

телю фигура (она до этого попадалась уже два раза), символизирующая ад. Но в некоторых случаях эта фигура участвует в изображенном действии. На л. 11 об. она протягивает руки, чтобы принять группу маленьких человеческих фигурок, которых толкает к нему копьём ангел («да възвратяся грешницы в ад», говорится в привязанном к этому изображению стихе); дважды (л. 37 об. и 140) из ее объятий ангел извлекает маленькую фигурку Давида. В двух вариантах сошествия Христа во ад антропоморфная аллегория ада изображена побежденной: в первом случае ее крепко держит за руки ангел (л. 31), а во втором она лежит скорченная и безжизненная (л. 87 об.).

Наконец, интересны два случая, когда антропоморфная аллегория была понята художником буквально. В 4-м псалме говорится о «тяжкосердных» людях, и этой фразе привязано изображение двух лежащих на земле людей, над которыми склонился ангел (л. 5). Здесь слово «тяжкосердие» понята художником без всяких аллегорий: «тяжкосердие» — просто люди, которым тяжело подняться с земли. Еще «буквальнее» другая, находящаяся поблизости иллюстрация — к стиху 5-го псалма «гроб отверст гортань их». Маленькая фигурка тянется к Христу в золотом круге сверху, а обе ее ноги уже начинают проглатывать крупные мрачные фигуры (л. 6 об.). Не случайно, вероятно, что оба эти примера находятся в начале книги, когда художник еще не освоил всей сложной системы ее поэтических образов и многое понимал буквально — не только две эти аллегии, но и сравнения с зверями, о которых уже говорилось. К концу же своей работы иллюстратор Киевской псалтири уже настолько овладевает ее образным и аллегорическим языком, что дает очень сложные и большие композиции, используя изображения всех видов аллегии — зооморфную, растительную и антропоморфную.

Ярким примером сказанного является иллюстрация стиха 143-го псалма «человек суете уподобися — дние его яко сень преходят», в котором жизнь человеческая представлена в образе дерева, подтачиваемого двумя — черной и белой — мышами (л. 197) (рис. 3). Впервые и единственный раз в этой книге изображение сопровождается длиннейшая аннотация, написанная киноварью и представляющая из себя не что иное, как отрывок одной из «притч» Повести о Варлааме и Иосафе — «Притчи о инърозе» (единороге).¹¹

Введение в иллюстрацию целого куска текста литературного памятника несколько неожиданно и необычно — ничего подобного на полях Киевской псалтири до этого не было. Но это не случайность, а закономерный результат творчества читателя-художника. Рисуя на полях иллюстрации, художник обнаружил не только глубокое понимание текста иллюстрируемого памятника, но и знание других, связанных с ним, преимущественно гимнологических и литургических текстов. Он был также начитан в патристической и агиографической литературе; только этим

¹¹ Кроме аннотации, более подробно, чем на других иллюстрациях Киевской псалтири, надписаны все составные элементы этой композиции. «Древо есть житие человеце» — написано сверху, у кроны; «Се есть подобие . . . (эта надпись, как и аннотация сверху, немного обрезана при переплете книги) льсти мир[скими] прелщающ[и]хся» — написано около человека, забравшегося на дерево и с ужасом смотрящего вниз, на мышей, подъедающих ствол, надписанных «день» и «ночь». Единорог, гонящийся за другой человеческой фигурой, устремляющейся к дереву, имеет также пояснительную надпись: «Инорог убо образ есть смерти». Пропасть под деревом объясняется как «мир съ испльнен всяческих зол и смертоносных сетей», а разинутая в ней пасть объяснена так: «Змиа разумевай страшную адову утробу». От последних двух надписей потянулись к изображению киноварные линии; хотя они и не доходят до объясняемых предметов, направление их ясно.